
Раздел 1

ЭСТАФЕТА НАУЧНОГО ПОИСКА: НОВЫЕ ИМЕНА

УДК 351.746.1

В. А. Бондарь

МИНИСТЕРСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Рассматривается деятельность Министерства государственной безопасности СССР в первые послевоенные годы (до смерти Сталина). Раскрываются причины и ход структурных и функциональных изменений, а также деятельность данного государственного органа. Кратко освещены громкие процессы, на статистических материалах проанализированы тенденции и закономерности повседневной деятельности министерства.

Ключевые слова: Министерство государственной безопасности; органы власти; делопроизводство; структура; функции министерства; кадровые перестановки; репрессии.

МГБ СССР в 1946—1953 гг. представляло собой государственный орган, обеспечивающий безопасность государства, и прежде всего власти в лице высшего руководства страны. Для сталинского режима забота о безопасности была главной задачей, что определялось не только личной подозрительностью Сталина, но и самим типом руководства, основанным на недоверии не только к гражданам, но и к своим сотрудникам. В результате МГБ занимало определенное место в государственном аппарате, для

него был даже установлен иной порядок отчетности, предусматривающий прямые доклады о положении дел в Политбюро и лично Сталину. Это дает основания считать, что Сталин лично наблюдал за работой органов государственной безопасности [см.: Кокурин, Петров, с. 113]. Подобного отношения не удостоились другие ведомства того времени, даже МВД. Взаимодействие с другими органами в описываемый период было минимальным, наблюдалась тенденция к превращению МГБ в максимально самостоятельную и самообеспечивающуюся систему, чему способствовало постоянное изменение структуры и функций Министерства, особенно в период до 1950 г.

Процессы реструктуризации МГБ в рассматриваемый период отражают не только расширение его функций, но и усложнение деятельности, так как появляется больше специализированных отделов и управлений, созданных для определенных направлений работы. Большое количество изменений за сравнительно короткий период (1946—1951) не только связано с периодом становления ведомства, но и свидетельствует об оперативности изменений, источником которых могло служить желание руководства максимально адаптировать структуру к выполняемым функциям, добиться эффективности работы данного органа, хотя некоторые действия явно шли вразрез с этой целью. Структура МГБ сложилась в основном как структура органа, имеющего все необходимые оперативные и вспомогательные подразделения для выполнения своих функций — обеспечения безопасности государства. К 1951 г. ему подчинялись все части и подразделения, призванные охранять порядок внутри страны, включая внутренние и пограничные войска и милицию [см.: Кокурин, Петров, с. 112]. Таким образом, МГБ СССР постепенно стало выполнять большую часть функций МВД СССР, превратившись в единый орган по обеспечению порядка и безопасности — в сталинском понимании этих слов.

Деятельность МГБ СССР была весьма разноплановой и делилась на два крупных направления: особо важные дела и дела текущие. Особо важные дела расследовались в специально созданном для этого подразделении (Следственной части по особо важным делам) обособленно от остальных дел по принципам, выработанным еще до войны и обоснованным А. Я. Вышинским. Под эту категорию подпали все наиболее значительные процессы. Работа следователей по особо важным делам чаще строилась на показаниях отдельных лиц по принципу «Признание — лучшее доказательство», и на этом же основании выносились приговоры [см.: Из воспоминаний Ф. Бобкова...]. Такие методы, наряду с силовым давлением и приемами «конвейерного допроса», позволяли фальсифицировать пока-

зания и добиваться нужных признаний даже в том случае, когда не было никаких подтверждений вины.

Очень широко в работе применялись методы провокации. Об этом позволяет судить, в частности, тот факт, что комитет партийного контроля, проверявший деятельность НКВД/МГБ после XX съезда КПСС, выявил фальсификацию дел на 148 человек только в деятельности УНКВД/УМГБ по Хабаровскому краю в 1941—1949 гг. Проверка выяснила, что сделано это было путем провокации [см.: Млечин, с. 279].

В рассматриваемый период наиболее крупным и важным направлением, по которому велись особо важные дела, можно считать процессы, проводившееся против евреев или с их активным участием. Они могут считаться частью государственной политики антисемитизма, инициированной лично Сталиным. Вопрос о мотивах подобных масштабных преследований до сих пор не разрешен, но важность борьбы с «еврейскими националистами и космополитами» подтверждалась тем фактом, что куратором этого направления работы в ЦК был Г. М. Маленков (второй в иерархии после Сталина). Подобные процессы оказались связаны друг с другом и привели к наиболее крупным и важным расследованиям данного периода.

В отношении текущих дел, которыми и занимались основные оперативные подразделения МГБ СССР, выделяются три периода: 1) 1946—1948 гг.; 2) 1949—1950 гг. и 3) 1951—1953 гг. [см.: Мозохин, 2010а; 2010б; 2010в]. На первом этапе, особенно в 1946 г., велась активная борьба с последствиями войны, то есть главным образом, продолжали бороться с изменниками, предателями и повстанцами, которые представляли физическую угрозу существовавшему общественному строю [см.: Мозохин, 2010а]. В 1947 г. количество осужденных за преступления по линии МГБ СССР значительно уменьшилось, но затем плавно начало расти до 1949 г. Второй пик числа осужденных, хоть и не столь большой, приходится на 1949 г. [см.: Мозохин, 2010б], что можно объяснить новыми массовыми процессами.

В 1949—1950 гг. акценты сместились в сторону борьбы с инакомыслящими и идеологическими противниками — увеличиваются преследования за антисоветскую агитацию. Тем не менее борьба с остальными угрозами не перестала быть менее значительной. Обвинения в повстанчестве и предательстве остаются достаточно распространенными, хотя и в меньшей степени, чем в 1948 г. Причем в 1950 г. доля обвиненных в этих преступлениях больше, чем в 1949 г. В дальнейшем количество обвиняемых будет уменьшаться [см.: Там же]. Кроме того, склонность освобождать и оправдывать подследственных и подсудимых

значительно уменьшилась, достигнув минимума (около 1 %) в 1950 г., тогда как в 1946—1948 гг. она была на уровне 2 % [см.: Мозохин, 2010а; 2010б].

Особенно удивляет устойчивость доли обвиненных в шпионаже и бегстве за границу, так как создается впечатление стабильности процесса, возможно даже умышленного поддержания на заданном уровне количества «шпионов», как реальных, так и вымышленных, со стороны МГБ СССР. Стоит отметить, однако, что пока недостаточно информации для подтверждения данной точки зрения.

Одновременно прослеживается тенденция к применению более строгих наказаний за преступления. Хотя в 1947—1949 гг. была отменена смертная казнь [см.: Ведомости..., с. 27], сроки лишения свободы возросли с 10 до 25 лет, а заключенным их увеличивали без проведения нового судебного процесса. При уменьшении количества арестованных ужесточение наказаний могло означать как стремление к показательным процессам, так и желание вести работу только с теми лицами, которых можно было наверняка уличить в преступных действиях или бездействии.

Работа со спецпоселенцами была отдельным направлением деятельности рассматриваемого органа власти. Этому способствовала массовость ссылки и необходимость организации надзора над большим количеством людей. Высылки были наиболее оперативным средством наказания, так как не требовали длительного следствия и могли проводиться во внесудебном порядке. Помимо собственно массовых высылок определенных этнических групп, требовалось вновь арестовывать преступников, отбывших наказание за антисоветские преступления (ст. 58 УК РСФСР), в частности за вредительство, саботаж и контрреволюционную деятельность, и освобожденных. Закрытый указ предписывал направлять их по истечении срока наказания по назначению Министерства государственной безопасности СССР в ссылку на поселение под надзор органов МГБ [см.: Млечин, с. 279—280].

Что касается деятельности внешней разведки и контрразведки, то постоянно действующим в течение всего рассматриваемого периода был только отдел, отвечавший за подготовку и безопасность атомных проектов, а также подразделения контрразведки. В отношении остальных подразделений была предпринята попытка создать из них и военной разведки единую обособленную службу. Попытка оказалась неудачной, новая служба не оправдала возлагавшихся на нее надежд, лишь отвлекая время и силы на реорганизацию и перестройку деятельности. Поэтому этот орган власти просуществовал недолго, впоследствии его функции были вновь переданы ГРУ и 1-му и 2-му Главным управлениям МГБ СССР.

Результаты деятельности МГБ СССР позволяют сделать вывод, что произошло ужесточение режима, потребовавшее укрепления существующего порядка, следить за которым стало прямой обязанностью аппарата этого органа власти.

Обстановка в МГБ СССР под руководством В. С. Абакумова была напряженной, от сотрудников требовалась полная самоотдача и строгое соблюдение правил и регламентов под страхом наложения взысканий. Аппарат был в значительной мере обновлен, большинство сотрудников проработали в органах не более 6 лет, кроме того, В. С. Абакумов назначил на ключевые посты людей из своей команды. Несмотря на активную деятельность, взаимодействие с другими органами, в первую очередь с МВД СССР, было затруднено, что отнюдь не способствовало повышению эффективности работы. Кроме того, министр, действуя по указаниям партийного руководства, допускал ошибки в истолковании этих указаний, которые чаще всего представляли собой намеки на то, как и в отношении кого предстояло действовать. Достойно упоминания, что ни один глава органов по обеспечению государственной безопасности при Сталине не мог чувствовать себя спокойно, так как репрессии были средством обновления государственного аппарата.

В 1951—1953 гг. произошли существенные изменения в кадровом составе, методах и приоритетах работы органов. Они были вызваны целым комплексом причин, включая и действительные упущения и просчеты в работе, и общую неудовлетворенность деятельностью как министерства в целом, так и Следственной части по особо важным делам и лично В. С. Абакумова. В пользу второй причины свидетельствует поразительно быстрое реагирование на самом высоком уровне на письмо рядового следователя Следственной части по особо важным делам, к тому же поданное в обход непосредственного начальства, и арест министра еще до предъявления ему каких бы то ни было обвинений [см.: Пихоя, с. 81].

Не исключено, что нарушения, о которых говорил Рюмин, имели место, но насколько они были серьезны — большой вопрос. Тем не менее в результате оперативной проверки комиссия подтвердила наличие нарушений, встревоживших руководство, что и стало причиной кадровых перестановок в руководящем составе МГБ СССР. Кроме того, можно предположить, что имело место стремление усилить партийный контроль над действиями МГБ СССР, в том числе назначив на ключевые руководящие посты партийных работников.

Однако после ареста и предъявления обвинений дело министра было приостановлено: то ли потому, что основная цель процесса уже была достигнута (его сместили с должности министра), то ли из-за перегруженности

другой работой. Тем не менее кадровые перестановки состоялись, что повлекло за собой начало нового этапа в деятельности МГБ СССР, изменение методов, принципов и приемов оперативной работы, а также некоторую смену общей обстановки в ведомстве.

Вскоре были развернуты репрессии против других сотрудников МГБ СССР с обвинениями, что они не только не обеспечивали, но намеренно подрывали государственный строй, т. е. делали нечто совершенно противоположное своим задачам и служебным функциям. Не только положение служащего, но и обвинения против него зависели от интересов руководителей, так как именно ими руководствовались при отборе показаний и основных линий в процессах против сотрудников министерства. Под разрабатываемые линии подгонялись показания, сообщаемые факты, логика арестов также строилась исходя из них. В результате дело против сотрудников МГБ оказалось связанным практически со всеми крупными процессами в рассматриваемый период времени. Репрессии против карательного органа сами по себе подчеркивали его зависимость от высшего руководства страны и роль инструмента в обеспечении безопасности государства, и прежде всего власти.

Что касается структуры министерства, то она практически оформилась, предпринимались лишь некоторые усовершенствования. Наиболее существенные преобразования затронули вспомогательные административно-хозяйственные подразделения, например создание единого АХУ, обеспечивающего работу ведомства. Усилилось внимание к планированию, что выразилось в создании специального планового отдела, роль же управления охраны (и доверие к нему со стороны высшего руководства страны) снизилась вместе с понижением статуса и длительным отсутствием нового руководителя взамен репрессированного.

Стали уделять больше внимания подготовке кадров: был создан специальный вуз, сформирован особый орган по управлению учебными подразделениями. Кадровые перестановки отражали поиск таких людей, которые справлялись бы с порученной работой и им можно было бы доверять. Кадровая чехарда проявлялась и в том, что некоторые сотрудники несколько раз назначались и смещались с одной и той же должности. Кроме того, проводились и другие мероприятия по повышению эффективности работы аппарата, например перестройка штата осведомителей МГБ СССР.

Для данного этапа характерны попытки повысить эффективность уже созданной структуры. Думается, что именно эта тенденция и обуславливает повышенное внимание к поиску и отбору кадров. Тем не менее вряд ли можно утверждать, что схема отбора кадров была эффективной,

поскольку кадровые ротации были столь же частыми, как и ранее, а начальников следственной части по ОВД, управления охраны МГБ, 5-го (оперативного) Управления и ГУО на железнодорожном и водном транспорте так и не подыскали [см.: Кокурин, Петров, с. 120].

В 1951—1953 гг. в МГБ СССР продолжалась разработка крупных дел, начатых в предыдущий период, причем все дела, отнесенные к особо важным, были связаны между собой и зачастую одно подталкивало к разработке другого. Так, причудливо оказались связаны и взаимообусловлены «дело ЕАК», «неблагополучное положение» в МГБ ССР и «дело врачей». Последнему суждено было резко сменить направление разработки, послужить причиной масштабных преследований медиков и пережить инициировавшее его ведомство.

Из изменений в приоритетах работы стоит отметить тенденцию к усилению идеологического контроля: обвинения в антисоветской агитации были столь же распространены, как обвинения в шпионаже, повстанчестве и саботаже. Они служили аргументами в особо важных делах. Усилился контроль партии над деятельностью министерства, все особо важные дела велись либо с ведома высшего руководства, либо по его прямым указаниям.

Еще одна тенденция — резкое уменьшение числа осужденных по сравнению с предыдущим периодом [см.: Мозохин, 2010в]. В 1953 г. наблюдались признаки начала новой волны репрессий, которая не развернулась из-за смерти Сталина и была остановлена крупными переменами в работе органов государственной безопасности. Последний крупный процесс — «дело врачей», несмотря на то, что само МГБ СССР прекратило существование, продолжался и даже послужил инструментом в борьбе за власть.

Методы работы изменились не столь значительно, как могли бы. Наоборот, предпринимались все меры для подтверждения вины осужденных, проводилась даже специальная кампания по сокращению числа «необоснованных» (по сути — оправдательных) приговоров. Все это привело к тому, что арестованные сотрудниками госбезопасности люди в подавляющем большинстве случаев понесли наказание [Там же]. Налицо стремление соответствовать основному показателю эффективности работы органов по обеспечению безопасности того времени — как можно более низкому проценту оправдательных приговоров, что на практике часто оборачивалось фальсификацией материалов и формальным соблюдением законности при фактическом пренебрежении к ней. Что касается самого ведомства, то обстановка в нем не стала менее напряженной. Также

не были преодолены проблемы взаимодействия с другими ведомствами. Все это свидетельствовало о невнимании руководства к своим сотрудникам и несоответствии компетенции министра занимаемой им должности.

Третий министр государственной безопасности связал свою карьеру с партийной работой и практически идеально подходил к ней по своим деловым и личным качествам. Вероятно, из-за востребованности в тот период времени таких качеств, как исполнительность и приверженность линии партии, С. Д. Игнатьев и был назначен на этот достаточно важный государственный пост. Есть основания считать, что он был недостаточно компетентен в вопросах своего ведомства [см., например: Костырченко, с. 633; Судоплатов, с. 304—305], однако в обстановке, когда важнейшие дела контролировались высшим руководством страны, исполнительность приветствовалась более, чем компетентность и творческая инициатива. Но даже и в этом случае положение дел в МГБ СССР подвергалось критике, а после смерти Сталина, которому министерство было обязано своим существованием, оно было ликвидировано как государственный орган и более не восстанавливалось в прежнем виде. Его эффективность до сих пор остается одним из самых неоднозначных вопросов, и, думается, ставить точку в исследовании его деятельности еще рано.

Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 17.

Из воспоминаний Ф. Бобкова о В. С. Абакумове // ФСБ РФ: официальный сайт. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm?id%3D10317981%40fsbPublication.html> (дата обращения: 27.10.2010).

Кокурин А. И., Петров Н. В. МГБ: структура, функции, кадры (1946–1953) // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 109–121.

Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2001. 779 с.

Млечин Л. М. Председатели КГБ. Рассекреченные судьбы. М., 2001. 578 с.

Мозохин О. Б. [2010а] Статистика репрессивной деятельности органов государственной безопасности СССР на 1946 г. // ФСБ РФ: официальный сайт. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm?id%3D10318101%40fsbPublication.html> (дата обращения: 27.10.2010)

Мозохин О. Б. [2010б]. Статистика репрессивной деятельности органов государственной безопасности СССР на период с 1947 г. по 1950 г. // ФСБ РФ: официальный сайт. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm?id%3D10318102%40fsbPublication.html> (дата обращения: 27.10.2010)

Мозохин О. Б. [2010в]. Статистика репрессивной деятельности органов государственной безопасности СССР на период с 1951 г. по 1953 г. // ФСБ РФ: официальный сайт. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm?id%3D10318103%40fsbPublication.html> (дата обращения: 27.10.2010)

40fsbPublication.html (дата обращения: 27.10.2010)

Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти, 1945–1991. 2-е изд. Новосибирск, 2000. 680 с.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. 509 с.

УДК 334.722.8+347.725

А. М. Новоселова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА УЧРЕЖДЕНИЯ АКЦИОНЕРНЫХ КОМПАНИЙ В РОССИИ

Рассматриваются вопросы, связанные с ролью государства в учреждении акционерных компаний в России. Дается сравнительно-исторический анализ законодательства, касающегося порядка регистрации акционерных компаний дореволюционного и современного периодов. Особое внимание уделено сравнению комплексов документов для регистрации, а также обязательным сведениям, которые должен содержать учредительный документ акционерной компании. Обозначены схожие проблемы в порядке рассмотрения и утверждения учредительных документов акционерных компаний в дореволюционной и современной России.

Ключевые слова: акционерное общество; порядок утверждения; устав; акционерное право; история акционерного права.

В настоящее время в России наблюдается активный рост числа акционерных обществ (АО). В условиях постоянных рыночных изменений и развития сектора АО в центре внимания оказывается проблема их взаимодействия с государством. Данная проблема осложняется поздним формированием законодательства в этой сфере, а также отставанием в регламентации некоторых норм на практике. Федеральный закон «Об акционерных обществах» (ФЗ об АО) [Об акционерных обществах...] появился лишь в 1995 г. и имеет большое количество редакций. Другие законы были приняты еще позднее [см., например: Об особенностях правового положения...; Об инвестиционных фондах...]. Нормотворчество не успевает за стремительно утверждающимися новациями в данной сфере, что приводит к новым проблемам в работе АО. Вопрос о «свободе